

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРЕДМЕТНЫЙ МИР
РАССКАЗА В. ЛЕЦИКА «КОСТЮМЫ»**

Рассказ «Костюмы» автобиографичен. Место действия – средняя школа в Завитинске, время действия – канун Нового 1961 года. Здесь сам автор выступает в роли рассказчика. Повествование строится на пересечении разных временных координат и, соответственно, различных точек зрения на описываемые события. Рассказ В. Лецика построен в форме воспоминания. В нём повествователем является то взрослый, зрелый человек – и тогда в тексте появляются его взгляды и его оценки собственным действиям, совершённым когда-то давно, в отрочестве; то школьник – семиклассник, восьмиклассник и, наконец, девятиклассник. И тогда в рассказе появляется детская непосредственность восприятия, окружающий мир и люди в нём показаны глазами ребёнка, стоящего на пороге юности. Эта особенность изложения событий сходна с произведениями русских классиков. К примеру, «Детство» Л.Н. Толстого тоже построено в форме воспоминаний, но в этом произведении передаются особенности восприятия, впечатления ребёнка, специфика детского мировосприятия. Сочетание различных пластов времени в воспоминаниях – прошлого и настоящего – наблюдается и в рассказе И.А. Бунина «Цифры», где воссозданы воспоминания взрослого человека о своём племяннике, когда тот был ещё ребёнком.

Время в рассказе Лецика ретроспективно. Воспоминания писателя переносятся то в один год, то в другой: «Это было в седьмом классе. А уже в девятом – никаких сабель, никаких пиратских лохмотьев. <...> Седьмой класс – и девятый. Между ними, кажется, пропасть» (С. 11)¹. И здесь внимание автора об-

¹ Здесь и далее рассказ «Костюмы» цитируется по изданию: *Лецик В.Г. Костюмы: Рассказ // Амур: Литературно-художественный альманах. № 1. 2002. С. 11-16.*

ращается к иному временному промежутку, о котором и будет идти речь в рассказе: «Но между ними была не пропасть, а восьмой класс, время, когда, выбежав из детства, мы словно остановились на миг с разинутым ртом. За спиной звенел наш собственный детский галдёж. Впереди смутно и близко темнела, как сопка в тумане, взрослая жизнь. А пока – остановка, удивление, вслушивание» (С. 11). Писатель создаёт ёмкий образ времени, запечатлённый в образе ребёнка, стоящего на пороге прошлого и будущего. Здесь время и пространство становятся единым, образуя хронотоп, причём пространство это раздвигается. Прошлому соответствует школьный коридор, в котором не умолкает галдёж. Будущее же рисуется в виде далекой сопки – образа, характерного для жителя Приамурья, где окружающий ландшафт и состоит из сопок, тайги. А настоящее – это тот самый восьмой класс, «остановка», порог между двумя возрастами человека.

В рассказе неоднократно обращается внимание на необычность этого возраста: «Странное время – восьмой класс» (С. 11); «Мне надоело слушать обоих – и Генку, и приёмник. Странное время восьмой класс: наше приятие успело, в сущности, развалиться, а заметить это мы ещё не успели» (С. 12); «Вот ещё одна из странностей восьмого класса. К концу школы этот самый Барбосик вдруг вытянется и достигнет нормального роста. А тогда, в восьмом, путалось у всех под ногами что-то маленькое и сердитое, в больших серых валенках» (С. 13). Эта странность указывает на значимость периода отрочества, когда перемены происходят стремительно и потому неуловимо. И только теперь, будучи взрослым, рассказчик может проанализировать прошлое, понять причины некоторых своих поступков, осознать ошибки, которые уже не исправить.

Ретроспективность художественного времени в рассказе можно проследить и в эпизодах, связанных с образом Лены Серовой: «И не пол-урока, а целых три года гляделось, ещё с пятого класса, когда Лена Серова перевелась в нашу школу» (С. 12); «А в то лето пятьдесят седьмого года в Москве отшумел молодёжный фестиваль» (С. 12); «Теперь, спустя три года, в вось-

мом, она всё так же носила белые банты, и так же падала на лоб чёлка, сбоку похожая на тёмный полумесяц» (С. 12). В отрочестве рассказчик питал к этой девочке самые тёплые чувства, и почти все поступки его были подчинены желанию понравиться ей. Теперь же, получив жизненный опыт, он во многом изменил свои взгляды, однако память о Лене жива и отражается в воспоминаниях.

Основные события в «Костюмах» происходят в канун Нового года. Нужно заметить особенность даты. Новый год – это, пожалуй, единственный праздник, который встречают все, во всём мире. Он символизирует собой некое сближение, единство человечества. Кроме того, Новый год – время перемен, это своеобразный порог между прошлым, в котором останется всё плохое, все ошибки – и будущим, которое непременно должно стать счастливым. Ожидание счастья, пожалуй, один из важнейших мотивов этого праздника. Новый год – символ обновления. И, конечно, праздник этот считается одним из самых волшебных, сказочных. В новогоднюю ночь принято загадывать самые сокровенные желания, и они непременно должны сбыться. Особенно любим Новый год детьми, которые наивно верят в чудеса и ждут подарков. И главный герой рассказа надеется получить в подарок самое желанное – внимание понравившейся ему девочки. Для этого он и создаёт образ попа, надевает карнавальный костюм. И на мгновение приковывает к себе внимание одноклассницы: «Лена, красивая Лена, в каком-то красивом платье, прижав ладони к вискам, смотрела на меня во все свои льдистые глаза – недоверчиво, восхищённо» (С. 14).

Легко заметить, как меняется время в рассказе: с приближением долгожданного праздника, которому предшествовала долгая подготовка, время словно растягивается, упорядочивается, всё более конкретизируется. И отсчитывается сначала временем суток, затем часами, а затем и минутами: «Утром мы с Генкой отозвали Барбосика в сторону: выручай, нужен такой клопик, как ты» (С. 13); «За час до начала новогоднего вечера Генка пришёл ко мне домой в костюме Балды» (С. 13); «До школы было две минуты ходу» (С. 13). С помощью такой актуа-

лизации временных единиц передаётся нетерпение героев в ожидании праздника, его важность, значимость. После появления в освещённом спортивном зале, где стоит наряженная ёлка и толпятся школьники, время перестаёт ощущаться главным героем. Он полностью охвачен атмосферой праздника, единственная его цель – поразить своим костюмом собравшихся на Новый год. Это удаётся: «И больше я уже ничего не видел, только носился по длинному коридору в спортзал, где стояла ёлка, и обратно. Ревущие волны смеха расступались, давая дорогу, и, вновь смыкаясь, бурлили сзади. Ряса раздувалась на бегу, но я уже не соображал, что я пузатый поп, мне казалось, что это мантия цезаря, плащ героя полощется на мне. Это была такая высота, такая вершина славы, что если глянуть вниз...» (С. 14). В этом эпизоде исчезновение ощущения конкретного времени сливается с разомкнутостью пространства, и образуется хронотоп. Он отражает внутреннее состояние Вити, словно поднявшегося над реальным миром. И пространство здесь скорее не горизонтальное, а вертикальное – вершина славы. Но в следующую минуту персонаж опускается по этой вертикали вниз, и осуществляет это действие директор школы: «Чья-то рука крепко легла на мое плечо» (С. 14).

Практически все события рассказа происходят в школе: в коридорах, в классах, в вестибюле. Но, конечно, особое значение приобретает спортивный зал, где и проходит торжество. Для Виктора это место – арена, на которой он хочет показать свой талант перевоплощения. Спортзал приносит герою минуты славы и минуты огорчения, когда он ощущает всю безнадёжность ситуации – Лена не обращает на него внимания. Особенно психологичен финал рассказа, когда Милка подметает пол, усыпанный осколками ёлочных игрушек, а остальные восьмиклассники выбирают на расчищенное место – праздник продолжается: «Милка появилась. В руках у неё был веник, и она, не глянув на меня, стала подметать пол. Валерий Павлович, вальсируя, осторожно провёл Лену на подметённое, а за ним и остальные пары протанцевали туда» (С. 16). Разбитые ёлочные игрушки – это осколки и разбитой Витиной мечты, и мечты самой Милки. Рас-

сказчик задумывается о том, как в отрочестве можно быть слепым, мечтая о красоте внешней и не замечая другой красоты – духовной. В этом эпизоде в руках Милки появляется элемент мира вещей – веник, который здесь выражает особенности характера героини. Простодушная Милка с встревожено-выпученными глазами оказывается единственной, кто и в таком возрасте думает в первую очередь не о себе, а о других. А остальные способны лишь воспользоваться её заботой, плодами её трудов. Согласно мировой символике, веник (метла) – «символ переустройства»². Вероятно, автор хочет намекнуть на то, что именно Милка – человек, способный на преобразование окружающего мира. Потому что она – а не Лена – обладает своим внутренним миром. Богатым, но скрытым от всех до поры до времени. Несомненно, две героини рассказа – Милка и Лена – выступают антиподами. Сердюкова – простодушная, всегда готовая прийти на помощь любому. Серова же знает себе цену. Она не станет помогать каждому встречному, она дарит своё внимание только особенным людям. В связи с этим образом автор вводит в рассказ вещь, наделённую символическим значением. На новогоднем вечере Лена в красивом голубом платье. Живописцам и людям, знакомым с искусством, хорошо известно, что голубой цвет считается холодным. И здесь он олицетворяет сдержанность эмоций, холодность героини, её нечуткость по отношению к окружающим людям.

Лецик озаглавил рассказ «Костюмы». У названия этого есть два смысловых плана: внешний и внутренний. Первый связан с календарным временем – кануном Нового года – когда устраивают маскарады. Возникает ассоциация со словом «маска». А значение этого символа таково: «трансформация, защита от опознавания, маскировка»³. Кроме того, часто в речи встречается выражение «стать маской на карнавале», то есть в этом случае человек словно исчезает – за него действует его маскарадный костюм. С этим мотивом связан второй смысловой план: костюм как характеристика героя. «У маски есть фантастиче-

² *Тресиддер Д.* Словарь символов. – М., 2001. С. 221.

³ Там же. С. 214.

ские и волшебные возможности. Человек, надевший маску, как бы превращается в другого персонажа, который может совершать действия, невозможные в обычной жизни»⁴. «Особенно разнообразны маски Африки, которые являют подлинные и символизируют внутренние качества»⁵.

В седьмом классе главный герой одет на Новый год в костюме пирата – один из самых традиционных и самых любимых детьми. Но уже в восьмом меняется психология ребёнка – и это показывает рассказчик, вводя в повествование строки о трудном выборе костюма на карнавал: Витя и Генка решают сделать не просто костюмы, а двойные, ролевые. Дон Кихот и Санчо Панса, Стрекоза и Муравей, Принц и Нищий, Поп и Балда – вот варианты, которые приходят им в голову. Не символ ли это выбора жизненного пути, который встаёт перед детьми, выходящими из детского возраста? К девятому же классу превращение из отрока в юношу произошло: «А уже в девятом – никаких сабель, никаких пиратских лохмотьев. Только узенькие символические полумаски, небрежно сдвигаемые на лоб. Но помню, что и без масок мы едва узнавали друг друга. <...> В первые минуты у меня было радостное чувство, что это, пускай без масок, но тоже маскарад: мы нарядились во взрослых – и получается!.. Я обманулся, это был не маскарад, всё начиналось всерьёз» (С. 11). И совершенно взрослые проблемы начинают волновать вчерашних мальчишек и девчонок.

С понятием маскарадности связан и образ Вовки Васина. В шестом классе все вокруг восхищаются его саблей, выкованной старшим братом в деповской кузнице. А потом, когда рассказчик учится в переломном восьмом: «Забежал мой верный Балда, сообщил итоги конкурса. Первого приза – за содержательность образа и мастерство исполнения – удостоился костюм семиклассника Вовки Васина “Ракета-носитель”. Старший брат из паровозного депо сварил ему эту ракету из листового железа, Вовка напялил её и тягал весь вечер» (С. 15). Возникает ощущение

⁴ Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. – М., 2000. С. 316.

⁵ Там же. С. 313.

ние, что костюм для Вовки – это та маска, которая заменяет ему его собственное лицо. Без него Васин ничего из себя не представляет, он неинтересен, сер. А костюм – способ выделиться, обратить на себя внимание и чего-то добиться. Например, первого приза на карнавале. Вероятно, и повзрослев, Вовка будет вести себя точно так же.

Особенный новогодний костюм и у Барбосика – Илья Муромца: «Красный щит Барбосика, круглый и выпуклый, поражал размерами. Шлем был вытянут в высоту так, что смахивал на бутылку. На мече, толстом, как дубина, сквозь серебряную краску проступали сучки» (С. 15). Во-первых, столь внушительный костюм позволяет маленькому и невзрачному персонажу стать более заметным. Однако он не вызывает такого же настроения, как Вовка Васин – возможно, потому что образ Барбосика пронизан авторской симпатией, душевным теплом, мягким юмором. А имя великого русского богатыря Ильи Муромца привносит в этот образ мотивы мудрости, доброты, силы физической и силы духа. Богатырём, кажется, когда-нибудь станет и Барбосик. А привлечь к себе внимание ему удаётся: даже Лена Серова вспоминает его настоящую фамилию – Барабошко. С образом этого героя можно сопоставить ещё один персонаж. Это Захрыч – герой, не вызывающий положительных эмоций ни у остальных персонажей, ни у рассказчика. Автор-повествователь называет его «вихлястым». В седьмом классе он «пополам ломался от зависти» к сабле Вовки Васиной. А в восьмом, также завидуя, теперь уже Барбосику, рвёт маску этого героя. А сам не способен на интересную идею, появляется в образе «мушкетёра задрипанного».

С образом же главного героя тесно связан новогодний костюм попа. Витя надел его, не подумав, чем может закончиться шутка. Нужно обратить внимание на социально-историческое время действия в рассказе. Конец 50-х и начало 60-х ознаменовались новыми гонениями на церковь, которая только-только начала возрождаться со времён Великой Отечественной войны. Костюм для Вити – желание показаться не таким, какой он на самом деле, поразить окружающих: «Успех навалился на меня –

неожиданный, бестолковый и упоительный, мне стало абсолютно всё равно, кого я, по их мнению, изображаю, бога или “архирея”. Ошалев, я крестил толпу направо и налево» (С. 14). Незрелость мысли, детское желание привлечь к себе внимание теперь понятны рассказчику, но в тот момент, в восьмом классе, Витя не понимал двусмысленности своей затеи – надеть костюм попа в советском обществе для «разоблачения религии». Характерно, что персонаж в эйфории от своего успеха забывает, что за костюмом на нём, он кажется сам себе героем в плаще, цезарем в мантии. Директор, который требует от Вити снять костюм, явно принадлежит к людям, которые не только не являются верующими, но и не испытывают никакого уважения к религии. Он, видимо, боится, что его привлекут к ответственности за то, что в его школе не налажена антирелигиозная пропаганда, что его школьник самозабвенно играет роль попа. Носит крест и крестит других учеников. А Витька – ребёнок, выросший в обществе с советской, антирелигиозной идеологией. Он не знаком с верой, потому у него и не может сформироваться собственное отношение к ней: «Мы ведь этих попов, этих обманщиков народа, смешных и страшных, видели только на картинках» (С. 14). Для ребёнка религия – игра, потому он и не задумывается о последствиях своего поступка, не понимает опасений директора.

Рассказ «Костюмы» несколько отличается от других прозаических произведений Владислава Лецика. Во-первых, место действия – школа, а не отдалённый посёлок, затерянный в тайге. Во-вторых, главным героем здесь становится ребёнок, а повествование ведётся от самого же героя спустя много лет, то есть рассказ приобретает черты жанра воспоминаний. Как и другие произведения этого автора, «Костюмы» насыщены образами предметного мира, помогающими раскрыть характеры героев.

В «Костюмах» писатель использует своеобразную игру со временем: то растягивая его, то показывая события в ретроспекции, автор актуализирует те или иные эпизоды. Живые детские впечатления передаются автором-рассказчиком через призму опыта взрослого человека. Рассказ пронизан тонкими лирическими переживаниями, повествователь с долей юмора вспоми-

нает собственную детскую непосредственность, одновременно ощущая грусть от её потери. Время словно остановилось в том далёком восьмом классе. Прототипы героев автора давно выросли, и отношение к ним изменилось. Но образы, запомнившиеся и повлиявшие на мировоззрение рассказчика, так и живут, не меняясь и не взрослея, в рассказе.

Таким образом, автор создаёт собственную модель мира, в которой время не является чем-то сиюминутным. Оно многомерно. Время историческое, социальное, календарное сливается воедино, образуя нечто целое с пространством, которое так же многомерно. Одной из важнейших категорий рассказа становится категория памяти. Но в произведении возникает и другая важнейшая категория – маскарадности. Костюмы выступают здесь и как способ скрыть от окружающих свою сущность, и как мера личностного роста, перемен в сознании, в мироощущении героев.